

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

УДК: 821.111 Шек7=821.161.1

Абрамович С.Д., Чикарькова М.Ю.

«МАТЕРИЯ СНА / МЕЧТЫ» В «БУРЕ» ШЕКСПИРА И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

У статті аналізується шекспірівська концепція реальності, що сформувалася в контр-апункті англійського теологічно-філософського і поетичного пошуку епохи пізнього Ренесансу, який реабілітував статус магії. Чарівник Просперо в фіналі зрікається свого магічного мистецтва, але це не знімає питання про загадковість матеріального буття, яке трактується як складний діалог свідомості Бога-Креатора і Людини як частини матеріального світу. У російських же перекладах «Бурі» ототоженні *dream* і *sleep*, що позбавляє текст властивої йому філософської глибини.

Ключові слова: мрія, сон, матерія, магія, переклад.

В «Буре» Шекспира Прусперо¹, в прошлом – герцог Милана, когда-то изгнанный братом-заговорщиком вместе с маленькой дочерью Мирандой, находит приют на некоем острове, где живет Калибан, воплощение низших, витальных сил природы. Черпая знания из магических книг, Просперо покорил себе не только Калибана, но и духов, ими управляющих; он – идеальный Правитель, создавший на острове настоящий рай. При случае он вызывает на море бурю и заставляет проплывающий рядом корабль со своими обидчиками пристать к острову, восстанавливая справедливость. Однако наиболее интересны те загадочно-глубокомысленные слова, которые звучат из уст волшебника, обращающегося к зрителям накануне финала:

We are such stuff
As dreams are made on, and our little life
Is rounded with a sleep² [7, 199].

Это речение, с одной стороны, репрезентирует богословско-философскую концепцию, утвердившуюся в христианской культуре вообще³, а с другой – знаменует сложение солипстического сознания, которое позже будет развернуто в философии Беркли⁴ и широко распространится в английской поэзии⁵.

Оставляя в стороне уже забытые и устаревшие переводы Н. Карамзина, Н. Сатина и М. Гамазова, сразу же отметим, что в наиболее значительных и до сегодняшнего дня популярных трех русских переводах – Т. Щепкиной-Куперник, М. Кузмина, М. Донского – утрачено несколько чрезвычайно важных смысловых акцентов:

Мы сами созданы из сновидений,
И эту нашу маленькую жизнь
Сон окружает...
Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

...Из такого же
Мы матерьяла созданы, как сны.
Жизнь сном окружена.
Перевод М. Кузмина.

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь ...
Перевод М. Донского.

Хочется разобраться, во-первых, почему Шекспир употребляет две разных лексемы – *dream* и *sleep*. Похоже, что у него это неслучайно, в то время как в русских переводах в обоих случаях фигурирует только *сон*.

Если обратиться к научной литературе по этому вопросу, то окажется, что проблема не раз интересовала зарубежных, в первую очередь – английских исследователей, в то время, как в русском литературоведении она обойдена полным молчанием.

Начнем с того, что в данном отрывке подозревают, как это обычно принято у шекспироведов, «чужую руку»: стоит лишь Великому Барду сказать что-либо серьезное, как тут же, словно в «Пропавшей грамоте» Гоголя, некая личина ухватывает добытое из-за его плеча. Так, Looney подчеркивает в данном отрывке недостаточность объективных факторов для литературоведческого суждения, в то время как обычно Шекспир предлагает читателю предельно ясную концепцию. Эти слова выглядят, по его мнению, «нешекспировскими» [цит. по: 6, 84]. Словом, то ли наш пьесокропатель умыкнул где-то высокую мысль, то ли очередной притаившийся аристократ вписал сюда рукой хозяйской нечто для простого актера запредельное.

В самом деле, глубочайшая насыщенность фрагмента христианским спиритуализмом очевидна, так что Ch. Knight в комментариях к тексту Шекспира даже утверждает, что здесь мы имеем место с предвестием солиптической доктрины Беркли. У него не вызывает сомнения, что Шекспир был хорошо знаком с современной ему философской схоластикой и вполне мог быть приверженцем теории, согласно которой наши чувства (ощущения) неразрывно «впечатаны» Богом в образы вещей, которые формируют наш материальный мир [7, 199]. Вообще же, практически здесь содержится квинтэссенция не только данного шекспировского текста, но и нечто большее. Goddard замечает, что если было бы необходимо найти шекспировские строки, наиболее репрезентативные одновременно и для его поэзии, и для его философии, то это были бы данные слова из монолога Просперо, выражающие изумление перед тайной бытия и в своем роде даже более итоговые, нежели декартовское «Cogito, ergo sum» [4, 291–292]. S. R. Cupta трактует «our little life is rounded with a sleep» как сферу мятущейся, темной и неразумной материи, не дающей душе покоя, что несколько напоминает индуистское представление о *кальпе*⁶. Он, который окружает мою «маленькую» жизнь, пишет исследователь, не кажется мне мирным ежедневным сном, несущим отдых душе. Этот сон беспокоит и пугает меня. Это сон, против которого я борюсь всю мою жизнь, обращаясь к невинному сну, когда я осознаю, что я и мир слиты друг с другом. Это момент, когда я боюсь небытия, встретившись с источником моего бытия, Богом [5, 98]. Этот экзистенциальный страх небытия ощущают у Шекспира многие, и защита от него – статус ребенка, доверчиво почивающего на руках у мироздания: «Я ассоциирую маленькую жизнь здесь с младенчеством», «rounded» – мне кажется, носит смысл «умиления, нежности», защищая от сумятицы большого мира [9, 319]. По этому поводу нелишне заметить, что у Шекспира, похоже, мир материи отгорожен от сознания достаточно прочно: R. M. Jones пишет, что в Елизаветинское время слово *rounded* имело значение «rounded out» (т. е. *округлять, замыкать, дополнять*), а не «rounded in» (*проникать*) [8, 94]. Но наше индивидуальное сознание придает Бытию смысл и весомость: «Как мечта во сне, так наша жизнь в вечности» [3, 117–118]. Тем не менее, как мы видим, исследователи, в общем-то, не слишком сосредоточены на том обстоятельстве, что у Шекспира явно подчеркнуто неравнозначность *dream* и *sleep*, хотя они семантически корреспондируют между собой и как бы друг друга «поддерживают».

А ведь использование автором двух разных лексем вовсе не случайно. Английское *dream*, более позднее по происхождению, означает, собственно, некую градацию: *дремать, видеть сны, мечтать*. Но здесь имеется в виду, что человек (шире – *природа, натура, материя* в целом) есть воплощение мечты Бога, материализация Его замысла. А сон (*sleep*), в который погружена краткая, «маленькая» (*little*)⁷ жизнь человека, данная ему в его ощущениях, – это наше переживание чувственного бытия природы, материи. *Sleep* стилистически более снижено, нежели *dream*: достаточно отметить, что слово это может означать и просто слизь, скапливающуюся на веках после физического сна («слипающиеся глаза»), в то время, как *dream* означает полет и свободу: *мечта, видение*, и сопрягается с понятием ослабления уз тела, духовного освобождения, медитации (ср. русск. *дремать* – состояние между сном и явью, то самое состояние, которое культивирует йогин).

Безусловно, данный фрагмент насыщен не только энергией духовного поиска, но и стремлением к некоторой систематизации, если не к выводам. В Англии эпохи Шекспира кипела Реформация, отказавшаяся от римского учения; к протестантизму, похоже, принадлежал и Шекспир, хотя подчас выдвигаются и аргументы в пользу его католической ориентации [см.: 2]. Во всяком случае, именно у протестантов выкристаллизовывается теологическое понятие Божьего Плана, Божественного замысла материального мира. Одновременно дифференциация *dream* и *sleep* у Шекспира тянет добавочную гроздь ассоциаций, современникам поэта вполне понятных. XV век – эпоха Ренессанса, когда рядом со старой теологией постепенно зарождается основывающийся на позитивной науке сенсуализм, признающий физическое ощущение единственным источником познания (в XVI веке оно четко формулируется у Локка). И, как ни странно, рука об руку с позитивным мышлением идет оккультизм, еще недавно отвергнутый христианством. Но именно языческая магия была лоном, в которой некогда зародилось опытное, научное знание, и величайшие умы эпохи, начиная с Ренессанса (Агриппа Неттесгеймский, Иоганн Вейер, Джордано Бруно и

др.) и вплоть до Ф. Бэкона, магию и науку просто не различали. «Сказочное» сознание воскрешает в утопических учениях о преобразовании мира на основе научного знания, что становится неотъемлемой частью сознания Модерна. Здесь *dream* – это уже сфера чисто человеческого дерзания⁸.

Рождается же такой магический акт преобразования реальности из медитативного сосредоточения, выключения из действительности, вхождения в сферу на грани сна и яви (сибирские шаманы, например, начинают вхождение в транс с нескольких глубоких зевков). И не случайно мотив сна, ощущение смутности и недостоверности чувственно-материального восприятия мира пронизывают весь текст «Бури».

Вот Миранда, дочь Просперо, пытается вспомнить свое детство:

... Все так далеко;
Скорей на сон похоже, чем на быль,
Что в памяти хранимо.

Перевод М. Кузмина

Но, хотя с помощью магии и можно изменить мир, в конечном итоге и эта перспектива остается чем-то смутным. Шекспир есть уже излом Ренессанса, это маньеризм, разочаровывающийся в гуманистическом взгляде на мир. Более того, дерзостное воскрешение сказочно-магического сознания представляется Шекспиру самообманом. Его Просперо, превративший, как впоследствии Робинзон Крузо, свой малый остров в оплот процветания и справедливости, живет на грани бунта угнетенного Калибана, физического естества. Духи могут аккумулировать чудесные видения, что прекрасно реализовано в зрительном ряде фильма П. Гринуэя «Книги Просперо». Но эти видения исчезают бесследно, оставляя впечатление рассеявшейся иллюзии. В финале Просперо от магии вообще отказывается.

Иными словами, певец тела, «которое пахнет так, как пахнет тело» («Сонеты» Шекспира), оказывается, в конечном итоге, не столь уж далек от традиционной спиритуалистической концепции, сформулированной католическим монахом Кальдероном, размышляющим над дерзостным и отчаянным поведением своего гедонистического Дон Хуана: *Жизнь есть сон*. Лишь пройдя через смерть, мы просыпаемся от сна жизни – в истинной реальности. Магия же, чья сфера приложения, – материальный мир и область индивидуальной человеческой души (не духа!), способна лишь временно привязать к изменчивой прелести вещей, а в конечном итоге – увести от спасения в Вечности.

Итак, ни секуляризированное сознание Щепкиной-Куперник, ни гедонистическое мирозерцание Кузмина, ушедшего из разреженных христианских глубин и высей в теплый мир «миллой земли», не стимулировали интереса к реальной философской насыщенности шекспировской пьесы. Еще более легковесен третий перевод: М. Донской был по своему образованию математиком и занимался в основном соответствующей научно-педагогической деятельностью; до 1954 года он писал лишь шуточные стихи; иностранные же языки выучил сам (*Википедия*). Похоже, что он вообще более опирался в данном случае на русские переводы предшественников, нежели на самого Шекспира – во всяком случае, «маленькая жизнь» явно бездумно перекочевала в его текст из текста Щепкиной-Куперник. Словом, дилетантизм в сочетании с общим равнодушием ко «всяким там» метафизическим тонкостям и спровоцировали огрубление смысла русского текста «Бури». Здесь не просто отождествлены сферы физического сна и мечтательно-идеальной грезы, но и, по сути, грубо «сброшены с парохода современности» размышления классика позднего Ренессанса над реальными возможностями человека и его тщанием превозмочь Бога и природу. Поэтому «Буря» в бытующих ныне русских переводах обречена быть неким гала-представлением, «танцующими, скачущими, и шумящими на сцене амурами, чертями и змеями», карнавальным зрелищем, выродившимся в какое-то пустое развлечение.

Примечания

- ¹ Prospero [ˈprɒspərəʊ] – «говорящее» имя; оно произведено от лат. pro spero – заботиться о <процветании; пользе>; букв. же означает счастливый, безмятежный. Отсюда англ. prosperity – преуспевание.
- ² Буквальный перевод: Мы созданы из такого вещества, Из которого мечты сделаны, и наша малая жизнь В конечном итоге является сном.
- ³ Нелишне вспомнить, что sleep присутствует в английском языке с XII-го века, а dream – с XIII-го; это т. н. среднеанглийский период английского языка, выделяемый исследователями после норманнского завоевания, когда на Британские острова хлынули французы, активно внедряющие свою ментальность. В тогдашнем же французском языке, испытывавшем сильное воздействие католического философствования Высокого Средневековья, дистанция между «мечтой» и «сном» отчетливо отражает дихотомию тела и духа. Тут гквер означает мечта, греза, сновидение, а sommeil – физический сон, а также – время, ноша. Здесь явственно сказалось влияние развитой теологии: в XIII веке сорбоннский профессор св. Фома Ак-

винат, «князь философов», как его называли современники, разграничил относительную самостоятельность естественного бытия и человеческого разума с одной стороны и «истины откровения» с другой.

4 «Странным образом среди людей преобладает мнение, что дома, горы, реки, одним словом, чувственные вещи имеют существование, природное или реальное, отличное от того, что их воспринимает разум. Но с какой бы уверенностью и общим согласием ни утверждался этот принцип, всякий, имеющий смелость подвергнуть его исследованию, найдет, если я не ошибаюсь, что данный принцип заключает в себе явное противоречие. Ибо, что же такое эти вышеупомянутые объекты, как не вещи, которые мы воспринимаем посредством чувств? А что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения (ideas or sensations)? И разве же это прямо-таки не нелепо, что какие-либо идеи или ощущения, или комбинации их могут существовать, не будучи воспринимаемы?» [1, раздел «О принципах человеческого знания», ч. 1, 4].

5 Ср. со строкой из «McAndrew's Hymn» Киплинга: «Lord, Thou hast made this world below the shadow of a dream» («Господь, Ты создал этот мир, <который> ниже тени <Твоей> мечты»).

6 Кальпа в индуизме – «день Брахмы», длящийся 4,32 миллиарда лет; потом наступает ночь Брахмы, длящаяся столько же, – это как бы временный конец материального мира.

7 Вообще-то little в английском может означать еще и незначительный короткий, ограниченный, что звучит несколько более возвышенно, чем непритязательное маленький, ставшее в русском шекспироведении, увы, обычным. Жеманное «маленькая жизнь», не слишком хорошо вписывающееся в философскую стилистику фрагмента, прижилось, кажется, благодаря Т. Щепкиной-Куперник. Знаменитая в начале XX века переводчица была особой миниатюрной, пленявшей своим малым ростом (одно время она играла на сцене у Корша детей и подростков), и, видимо, находясь в плену некоторого милого нарциссизма, щедро насыщала этим «дамским» словом – безотносительно к тематике, жанру и стилю – все, что она писала: «Всего яснее начинаю помнить: окно в моей маленькой детской» («Дни моей жизни»); «...ему <о Чайковском > совсем было не интересно, что какая-то маленькая девочка пишет стихи» («Страницы воспоминаний»); «Это производило маленькую революцию во всем моем взгляде на вещи» (Письмо А. П. Чехову. Ноябрь (после 7-го) 1893); «О благородстве маленького края, О том, что стал он жертвой за других» («Песня брюссельских кружевниц»); «Дубки» была маленькая усадьба, оставшаяся её матери после смерти второго мужа её» (рассказ «Настоящая женщина»); «Селия: Честное слово, ты верно говоришь: с тех пор как заставили молчать ту маленькую долю ума...» (пер. «Как вам это понравится», ред. 1937 г.) – и мн. др.

8 Как скажет позже Ленин, «надо мечтать»; за мечтания эти человечество, как известно, платит по сей день немалую цену.

Список использованных источников

1. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия / Джордж Беркли // Беркли. Дж. Сочинения. – М.: Наука, 1978. – С. 152–247.
2. Гайдин Б. Н. Шекспир и христианская культура / Б. Н. Гайдин // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – №. 2. – С. 236–239.
3. Birch W. J. *Tempest* // *The Tempest: Critical Essays* / Birch W. J. – Routledge : Ed. Patrick M. Murphy, 2014. – P. 114–123.
4. Goddard H. C. *The Meaning of Shakespeare* / Harold C. Goddard. – University of Chicago Press, 2009. – Vol. 2. – 306 p.
5. Gupta S. R. *The word speaks to the Faustian man* / Som Raj Gupta. – Delhi : Banarsidass, 1995. – 539 p.
6. Hope W., Holston K. *The Shakespeare Controversy: An Analysis of the Authorship Theories* / Warren Hope, Kim Holston. – McFarland, 2009. – 260 p.
7. Shakespeare W. *The Comedies, Histories, Tragedies, and Poems of William Shakespeare* / William Shakespeare. Winter's tale. *Tempest*. King John. King Richard II / Ed. Ch. Knight. – London: William Clowes and sons, 1842. – Vol. IV. – 515 p.
8. *The Variety of Dream Experience: Expanding Our Ways of Working With Dreams* / Ed. M. Ullman, C. Limmer. – State University of New York, 1999. – 280 p.
9. Wheeler R. D. *Fantasy and history in the Tempest* / Richard D. Wheeler. – *The Tempest: Critical Essays* / Ed. Patrick M. Murphy. – Routledge, 2014. – P. 293–327.

Shakespeare used in a famous passage «We are such stuff As dreams are made on, and our little life Is rounded with a sleep» («The Tempest») two tokens –dream and sleep, meantime in Russian translations usually turn into only sleep (physical). But Shakespeare` scholars noted author`s

acquaintance of scholastic philosophy and even a close connection with the later Berkeley (Knight). They reveal the representativeness of this passage of Shakespeare and the philosophy of his time (Goddard) – only Looney suspects a «foreign hand» in this situation. The world of matter is separated from the individual consciousness here: in Elizabethan times the word rounded mattered «rounded out», not «rounded in» (Jones). But it is our individual consciousness gives meaning and importance for Existence (Birch); it's reminiscent of the Indian Calpe: unreasonable matter that surrounds us is only a heavy sleep (Gupta), and we must trust in situation as a child (Wheeler). Sleep is our experience of sense of life, and dream, meaning the flight and freedom, opens the way to the idea that matter as the embodiment of God's dream. In Shakespeare's England the Reformation crystallizes theological concept of the Divine Plan of the material world; in the same time there was era of the birth of sensationalism, which was going, hand in hand, with the occult and utopian doctrines of the transformation of the world as «fairy tale». But Shakespeare is a break of the Renaissance, Mannerism, disappointing by humanistic daring. Prospero, who turned, his small island is the bastion of prosperity and justice – similar Robinson Crusoe, – is living on the verge of revolt of the oppressed Caliban who symbolized a physical nature. Genies can accumulate wonderful vision, but they disappear without a trace, leaving an impression of the scattered illusion. Prospero denies of magic at the final. But this complex of philosophical meaning lost in the prevailing current Russian translations: Shakespeare's play changes into kind of gala performance, carnival spectacle which degenerates into empty entertainment.

Keywords: *dream, sleep, matter, magic, translation.*

Отримано: 15.10.2014 р.

УДК: 82.0+821.161.2+165.642

Авксентьева Г.А.

СПЕЦИФІКА ВИКОРИСТАННЯ ЗАСОБІВ ПСИХОЛОГІЗМУ В ОПОВІДАННІ В. ПІДМОГИЛЬНОГО «НА СЕЛІ»

У статті здійснено аналіз специфіки використання засобів психологізму в оповіданні В. Підмогильного «На селі». Доведено, що у ранньому творі письменника домінує саме внутрішній монолог як засіб передачі рефлексії персонажа.

Ключові слова: *психологізм, внутрішній монолог, діалог, конфлікт, засоби психологізму, емоційний стан, протагоніст, градація, пейзаж, контраст*

Письменники-модерністи основну увагу зосереджують на внутрішньому світі персонажа, на змінах емоційних та вольових процесів, на процесі постійного рефлексування та самоусвідомлення. Тому актуальним є вивчення творчості письменників-модерністів під цим кутом зору. Щодо проблем художнього психологізму маємо сьогодні цілий ряд досліджень Григорія В'язовського, Лідії Гінзбург, Григорія Клочека, Миколи Кодака, Василя Фащенко та інші. Зокрема, літературознавець В. Фащенко наголошував, що психологізм – «...універсальна родова якість художньої творчості. Його предметом є відображення внутрішньої єдності психологічних процесів, станів, властивостей і дій, настроїв і поведінки людини...» [7, 57].

У художніх текстах письменники використовують найрізноманітніші засоби розкриття внутрішнього світу персонажа: внутрішній монолог, діалог, потік свідомості, портрет, пейзаж, авторські відступи, художні деталі тощо. Так, науковець В. Фащенко у дослідженні «Етюди про психологізм літератури», аналізуючи засоби психологічного аналізу, зазначав: «Видима мова душі у творі невіддільна від діалогу і внутрішнього мовлення, які, в свою чергу, часто наче «заходять» одне в одне... А їх «супроводжують» ще авторські – точні й метафоричні – характеристики, описи вчинків, індивідуальна обстановка, пейзажі, інтер'єри, які так або інакше пов'язані з психологією героя» [7, 148]. Під час дослідження психологізму важливо зосередити увагу саме на засобах розкриття внутрішнього світу персонажа, що є показником особливостей авторського світобачення, його письменницької майстерності. Тому мета статті передбачає детальне вивчення специфіки використання засобів психологізму в оповіданні В. Підмогильного «На селі».

Валер'ян Підмогильний досить рано дебютує як прозаїк. Перше його оповідання було написано в 1917 році, коли письменнику було лише 16 років. А перша збірка оповідань «Твори. Том 1» була опублікована у 1920 році (автору на той час виповнилося 19 років) [4, 278]. Його ранній дебют вітають науковці і письменники. Зокрема, дослідник С. Єфремов наголошував: «Безперечно надійною силою увійшов до нашого письменства Валер'ян Підмогильний, що в своєму активі